

О. Ю. ФУРМАН
(Волгоград)

ПЛЯСКА В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ У «СЕМЕЙСКИХ» ЗАБАЙКАЛЬЯ

Аннотация: В статье рассматриваются сохранившиеся в свадебной традиции забайкальских старообрядцев семейских пляски ряженных, сопровождавшие свадебный поезд, формы плясок «Голубца», «Трапок», мужских и женских переплясов и проходов, выявляются особенности пластики движений в локальных традициях старообрядческих поселений. Пляски и пение, игры с изменением лика, звуковыми имитациями, вращениями, шум, звон колокольчиков, хлопки в ладоши, которые вызывали смех, хохот — снимали напряжение и страх, вызывали радость, создавали барьер для негативного воздействия потусторонних сил.

Ключевые слова: ритуальные пляски, свадебный поезд, процессия, игры, хоровод, пляски ряженных, дробная проходка, перепляс, семейские Забайкалья.

Русская традиционная пляска тесно связана с праздничной обрядностью, народной песней и музыкой. В ходе работы первой экспедиции по сбору материалов о танцевальной культуре русских Забайкалья, встречаясь с семейскими, мы обращались к ним с просьбой вспомнить, рассказать и показать нам какие-либо танцы, которые сохранились в их традиции. И всякий раз получали примерно такой ответ: «...танцевать мы не умеем, а вот плясать..., корогодьи играть — это и на сиделках бывало раньше, да на свадьбах, али в праздник какой...» (Зап. от П. И. Яковлевой, 1910 г. р. (уроженка с. Малоархангельск), с. Аца, Красночичкойский р-н, Читинская обл. Соб. О. Ю. Фурман. 1989 г.) [ЛА]. Стало понятно, что пляска не осознается носителями традиции как отдельный феномен. Хотя в с. Менза Красночичкойского р-на Читинской обл., где рядом проживают забайкальские казаки и ста-

рообрядцы, молодые парни и девушки узнали от приезжей учительницы танцы «Краковяк», «Полька», «Падыспанец», выучили их и исполняли на вечерках в специально откупленной избе. Все вставали в круг парами, лицом против хода часовой стрелки и исполняли с продвижением по кругу движения, которые к середине XX в. знали во всех селениях и городах России. Однако на свадьбах и праздниках эти танцы не исполнялись. Старообрядцы связывают пляску с праздничной традицией, хотя при упоминании плясок старики ругаются, считают их небогоугодным делом. Послабление бывает только в праздники.

Подготовка к свадьбам у семейских обычно начиналась сразу после Крещения, повсеместно старались справить свадьбы на «мясоед» и на «масляной» неделе. «В традиционной свадьбе семейских в то время, когда в доме невесты совершался ряд строго обязательных действий: отбивание зорь, поездка за веником, баня, расплетание и заплетание косы, прощание с девьей красотой, — в доме жениха тоже происходила своеобразная игра» [Потанина 1977, 110]. Ф. Д. Филиппова рассказывала: «...перед иконами, перед хлебом моя мать благословляла меня, при этом говорила: “Благословляю тебя хлебом солью, божей милостью и святой иконою”. Икону держала платочком. Так она говорит несколько раз и обходит вокруг меня три раза по солнцу. А я стою на коленях. Потом целует меня... <Соб.: А жениха как благословляли?> Его также дома у яво благословили и дали крест распятие» (Зап. от Федосьи Дорофеевны Филипповой, 1926 г. р., с. Н. Брянь, Заиграевский р-н, Республика Бурятия. Соб. О. Ю. Фурман. 1996 г.) [ЛА]. В с. Харуз Забайкальского р-на Читинской обл. в 1970 г. экспедицией в составе Р. П. Потаниной, Л. В. Соболевой, Л. М. Свиридовой и В. И. Зоркина были записаны некоторые хороводные игры и плясовые семейских. Так, во время поездки за веником в свадебном обряде играли хороводы «А мы просо сеяли», «В карагоде были мы», «Лын¹,

¹ Согласно толковому словарю живого великорусского языка [Даль 1995], слово «лын» происходит от «кулынъ» — корень.

лын, привзакройся». Одна из исполнительниц Ф. И. Резникова сообщила, что в с. Харуз любят плясать этот хоровод: *«Вот мы на лугу собирёмся, когда невесту отдают, и поём: /Лын, лын, привзакройся,/ Лын, лын, привзакутыйся,/ С девочки — платочек,/ С молодухи — веночек,/ С бабы — атлас,/ С мово милёночка — ребёночка/»* [Потанина 1977, 105]. В хороводе, записанном нами, семейские поют: *«Под кустиком — олень,/ Под ракитавым — олень,/ Тягло ли те, олень?/ Холодно ли те, олень?/ Принакройся, олень,/ Призакутыйся, олень./ Со молодухи — платок,/ А со девухи — вянок,/ Со молодца — опоя(а)сычка»* [Фурман 1996, 52—54].

Свадебный поезд. Родители напутствовали и благословляли сына, затем начиналось приготовление свадебного поезда. Жених, дружки с тысяцким, сваха, крёстные родители и другие родственники садились перед дорогой и молчали, потом вставали, и жених со своим поездом отправлялся «по невесту». Если невеста жила неподалёку, могли идти пешком, а если дом невесты находился далеко, запрягали кошевки², рядили свадебный поезд: покрывали их цветными лоскутными одеялами, к дугам подвешивали бубенцы, колокольчики и гирлянды из тряпочек, в конские гривы вплетали разные ленты и ехали в дом невесты. Число кошев зависело от достатка семьи жениха. Впереди поезда верхом на жеребцах ехали дружки, за ними — ближайшие родственники (дяди жениха), на третьей кошевке, запряженной парой, с извозчиком, ехали жених с тысяцким и свахой, далее — остальные приглашенные. По дороге свадебный поезд не должен был уступать никому дорогу. С песнями, шумом и криками подъезжали к воротам дома невесты. Тысяцкий подходил к воротам, поворачивался к ним спиной и

² В толковом словаре В. Даля «кошевка», «кошевня», «кошница» — ж. твер. пск. кош м. корзинка. «Кошвы» — ж. мн. моск.-руз. дряба, одер, одрец, сноповозка, длинная телега дня возки снопов. «Кошева» — ж. сиб. розвальни, широкие, глубокие пошевни, пошев, пошвальни, дорожные сани, обшевни троичники, кладут на них до ста пудов [Даль 1995].

пяткой стучал в ворота. Дальше разыгрывали «выкуп невесты».

В с. Малоархангельское Е. В. Линейцева рассказывала, что во время выкупа невесты ряженные просили «подариться» ради смеха: *«... вот если не «подарятся», полтину не дадут, там рублинку ли, а им тут спуют: “Наши сватушки богаты,/ У их конюшки горбаты,/ Сами пешком пришли,/ А жениха в кулю принесли”. А им это в обиду, что жениха в кулю принесли. А такой если кто не “даритс’, ему говорят: “Салом до сала,/ В овин бородой,/ В бурду головой”»* [Архив ИМБТ СО РАН. 1970, Инв. № 3252. П. 3. Л. 123].

В день венчания и свадьбы при переезде из дома невесты в молельный дом и затем в дом жениха, рассказывают старики, возле брачующихся находились подруги и близкие, которые «играли (пели и плясали) под язык»³ и сопровождали молодых на всем протяжении пути. Все в составе свадебного поезда рядились в нарядную одежду, а одна группа, чаще парни, переодевались в женскую или старушечью одежду, или бойкие бабёнки рядились в мужские штаны, сопровождали плясками свадебный поезд, который двигался неспешно. Все выходили поглядеть, как обряжен поезд и особенно группа ряженных *«... в плохую одёжу рядились увсяко, скакали и кривлялись увсяко и забегали уперед, чтоб весь поезд в собак не обернули»* (Зап. от Татьяны Савельевны

³ Из-за отсутствия гармониста или музыкальных инструментов часто семейские пляску сопровождали «игрой под язык», подражая игре на гармошке, балалайке или на духовых инструментах (типа кугиклов). Например, *трим-на-на-на — трим-на-на* — подражание игре на балалайке, игре на гармошке: *тына-тыры-гыры*, а концовка *ты-на-на* или *ай-ци — ай-ци — ай-ци-ци* (звук «ц» слышится как «ф») — это либо звукоподражание кугиклам, либо для усиления шаркающих звуков во время пляски в «чарках» *ай-фи — ай-фи — ай-фи-фи*, когда ритм вышаркиваний в обуви без каблучков был плохо слышным. Ф. Д. Филиппова (1926 г. р.) из с. Новая Брянь рассказывала, как раньше, когда не было калалайки, «саратовку» под язык плясали: *«Тина ти на та на, тина ти на та на, тина ти на та на, тина ти на та на»*.

Афонасьевой, 1915 г. р., с. Н. Брянь, Заиграевский р-н, Республика Бурятия. Соб. О. Ю. Фурман. 1996 г.) [ЛА].

При всех торжественных и шумных шествиях из дома жениха в дом невесты свадебный поезд сопровождался пением свадебных песен, криками и плясками.

В с. Тамир Кяхтинского р-на Бурятии в 1971 г. В. И. Зоркин записал колядки с припевом «Баусень», которые пели ряженные на свадьбе: *«Я хожу ли, похожу,/ Я ищу ли, поищу,/ Приблудили ко двору,/ Баусень! Баусень! Баусень!/ Как и в Петрин-то двор,/ Весь тыном обтынён,/ Весь садом обсажен,/ Баусень! Баусень! Баусень!»* [Архив ИМБТ СО РАН. 1971. Инв. № 3270. Л. 57.]. Образ тына как оберега присутствует во многих заговорах, сообщает Ф. Ф. Болонев и приводит текст заговора свадебного поезда от колдунов и волхвитов, в котором тын призван оградить праздничную процессию: *«Встану я, раб божий (имя), благословясь, пойду, перекрестясь, умою ступеню ключевой водою, утрусь тонким полотенцем, оболочусь я оболочками, подпояшусь красною зарею, огорожусь светлым месяцем, обтычусь частыми звездами и обсвечусь я красным солнышком. Огражду вокруг меня (имя) и дружины моей с ослятами тын железный... Голова моя — коробя, язык мой — замок»* [Болонев 1981, 31]. Свадебные процессии у семейских сопровождалась плясками с бубенцами и игрой на шумовых подручных инструментах. Пляшущие рядились: привязывали на пояс бубенцы, длинные хвосты, волочившиеся по земле, и шли, приплясывая, впереди свадебного поезда. От порчи свадебного поезда говорили заговор: *«Стану я, (имя), благословясь, пойду перекрестясь ставить железные тыны от морской глубины от небесной высоты, от востока до запада, от севера до полудни. Введу аз, (имя), в железный тын со всем моим поездом»* [ЛА].

После венчания, вспоминала П. И. Яковлева, сваха осыпала новобрачных семенами льна и конопли, желая им счастья. Навстречу свадебному поезду выходили отец и мать жениха с образом и с хлебом-солью и благослов-

ляли новобрачных. При входе в дом начинали петь протяжную песню, и невеста должна была непременно плакать из-за разлуки с родителями и страха перед новой жизнью. Исполнительница также рассказала, как на свадьбе после венчания они надевали шубы наизнанку, подвязывались бубенцами, которые делали из жестяных банок, и «погримушти» из бутылок делали — горсть гороха туда насыпали и так плясали, трясли ими, гремели впереди свадебного поезда. В таком виде плясали всю дорогу, когда возвращались в дом жениха (Зап. от П. И. Яковлевой, 1910 г. р. (уроженка с. Малоархангельск), с. Аца, Красночикоийский р-н, Читинская обл. Соб. О. Ю. Фурман. 1989 г.) [ЛА].

В своем исследовании свадебного фольклора семейских Р. П. Потанина приходит к выводу, что «...в свадьбе долго держались и устаревшие ритуалы с такими же устаревшими песнями и причитаниями и многие религиозные предрассудки, и унижительные шутки над невестой, имевшие место в Забайкалье только среди семейского населения. <...> Вплоть до середины XX в. по правилам традиционной свадебной игры составлялся свадебный поезд. И здесь не последнюю роль играли всевозможные меры предосторожности от “злых духов”, от “колдунов” — специальным дружкой или иногда тысяцким произносились заклинания. Вера семейских в колдовские способности некоторых людей, вера в магическую силу слова и действия держалась среди семейского населения сравнительно долго» [Потанина 1977, 127—128].

В 1970 г. в с. Малоархангельское Р. П. Потаниной были записаны былички о «порче» свадебного поезда (когда всё разваливается, лошади или тянут в разные стороны, или падают), о «порче» тысяцкого или даже невесты. «Мария Семеновна Иванова (1909 г. р.) подробно и с полной верой в то, о чем говорит, рассказывала, будто она была заколдована, и её внезапно парализовало, “перекосило” на пути свадебного поезда к дому жениха. По свидетельству рассказчиков, в селе все знали, кому принадлежит чудо-

действенная сила, и верили в то, что “расколдовать” может только тот, кто “заколдовал”. Во избежание неприятностей, “колдуна” приглашали на все свадьбы, похороны, праздники, о нем не произносили дурного слова» [Потанина 1977, 128].

В с. Менза при встрече молодых в доме жениха все пели и плясали «Варварушку»: *«Варварушка белья — вырва!/
Варварушка белья,/
Белья да белья да/
Ходи браво белья,/
Куда вechор бегыла — куда!/
Куда вechор бегыла,/
Бегыла да бегыла да/
Ходи браво бегыла,/
Куда рано бегыла — куда!/
Куда рано бегыла,/
Бегыла да бегыла да,/
Ходи браво бегыла,/
К вусатыму бегыла — да!/
К вусатыму бегыла,/
Бегыла да бегыла да,/
Ходи браво бегыла»*. Все гости окружали невесту, выстраивались цепочкой — друг за другом и, пристукивая пятками, шаркая в такт песне, переменным шагом с остановками на словах «варва!», «куда!» плясали по кругу. В центре круга стояла молодая, потом к ней выходил жених, их осыпали зерном, перемешанным с мелочью. (Зап. от А. Р. Лазаревой, 1932 г. р., О. М. Кареловой, 1934 г. р., М. Е. Зориной, 1926 г. р., П. А. Кареловой, 1925 г. р., с. Менза, Красночичкойский р-н, Читинская обл. Соб. О. Ю. Фурман. 1989 г.) [ЛА. Д. № 1-12].

В с. Укыр при встрече молодых в доме жениха перед воротами все становятся в полукруг, поют «Дударя», потом «Зеленым-зеленешенько» и при этом пляшут, хлопают в ладоши, в это время кто-нибудь стучит в печную заслонку и играет на ложках. На слова *«Анастасия голублинья,/
Она мужа недолюбливыла,/
Дударь, мой дударь молодой,/
Сама дударь, мой дударь молодой* (поется после каждой второй строки)// *В решете я воду нашивыла,/
Коромыслом траву кашивыла,/
Это надобно ж случица беде,/
Позабыл дударик дудку у лебеде...»*, по словам исполнителей, *«... кажный шел в круг своей проходкой, подлаживался под песню»* (Зап. от А. М. Арефьевой, 1927 г. р., А. Д. Евсевлеевой, 1921 г. р., К. Я. Матвеевой, 1931 г. р., П. П. Казыкиной, 1935 г. р. с. Укыр, Красночичкойский р-н, Читинская обл. Соб. О. Ю. Фурман. 1989 г.) [ЛА. Д. № 2-46].

«В Красном Чикое, — рассказывала В. А. Васильева), — на семейской свадьбе молодожены не сидели за общим столом, тем более, никогда не пили спиртного. Гости веселились за столом, дарили молодым подарки, за которые брачующиеся благодарили поясным поклоном. Позже, когда перестали придерживаться этой традиции и молодоженам разрешалось сидеть вместе с гостями, они все равно не должны были есть, так как боялись порчи через еду» (Зап. от В. А. Васильевой, 1929 г. р., г. Красный Чикой, Читинская обл.) [Кузнецов 2005, 53].

Испытания для невесты. По словам А. Д. Евсевлеевой, раньше во время плясок ряженных на свадебных гулянках невесту заставляли пролезать между ног хороводной вереницы. Подобный ритуал в с. Укыр совершал отправляющийся на охоту мужчина. Чтобы охота была удачной, рассказывала Анастасия Дмитриевна, надо было пролезть между ног жены и, не оглядываясь, отправляться в тайгу. (Зап. от А. Д. Евсевлеевой, 1922 г. р., с. Укыр, Красночичкойский р-н, Читинская обл. Соб. О. Ю. Фурман. 1989 г.) [ЛА].

На одной свадебной гулянке в с. Куйтун Тарбагатайского р-на Бурятии, на которой нам посчастливилось присутствовать, во время общей пляски случилось так, что изрядно выпивший мужичок, переодетый в старуху, после неудачно выполненного коленца случайно упал и притворился, будто помер. Потом, чтобы скрыть конфуз и всех пошутить, он начал плясать, сидя на ягодицах, не смущаясь толпы, отталкиваясь пятками он пола. При этом он продвигался вперед, изредка менял ракурс, то в одну, то в другую сторону, размахивал руками, словно сидит в лодке и гребет руками. Все хлопали в ладоши и весело смеялись. Семейские называют это «пляской на жопе» [ЛА 1980].

Второй день свадьбы. «Второй день свадьбы проходил в доме невесты. Родители приглашали “сватов” (так называли не только родителей, но и родственников). Приезжали на “разнаряженных” санях или телегах, конь тоже украшался лентами, бумажными

цветами. «Сами разнаряжались, как машкараты. Для смеху. Если без шуток и без нарядов — это была плохая свадьба. Люди-ти и бежали на свадьбу смотреть, как гуляют»» (Зап. от В. А. Васильевой, 1929 г. р., г. Красный Чикой, Читинская обл.) [Кузнецов 2005, 54].

Анисия Терентьевна Ермолаева вспоминала, как раньше в с. Малоархангельское на свадьбу обязательно заставляли ряженые, надевали штаны и навешивали колокольчики на пояс, а сзади привязывали бычий хвост. Привязывали также бороду, лицо мазали сажей и шли с плясками по улице. Старались напугать, заглядывали в окна, шумели, гремели, по ставням били палкой, стучали в старую кастрюлю. Потом вваливались на свадебную гулянку. Там «...дурну пляску скакали», чтобы посмешишь всех. (Зап. от А. Т. Ермолаевой, 1934 г. р., с. Малоархангельск, Красночикоийский р-н, Читинская обл. Соб. О. Ю. Фурман 1989 г.) [ЛИА].

«В Кочене непременным атрибутом второго свадебного дня являлось специальное обрядовое блюдо — яичница. Целый порядок выпечки нужно было соблюсти, чтобы она “поднялась”, “не посинела”. За столы ее несли неожиданно и быстро, обманув тех, кто хочет ее выкрасть без выкупа. Жених и невеста продавали ее гостям. По выручке судили, как будут жить молодые» (Зап. от В. А. Васильевой, 1929 г. р. (урож. с. Красный Чикой), с. Архангельское (Кочон) [Кузнецов 2005, 53].

Урлукские семейские устраивают игру вокруг курицы, «...к свадьбе режут самую жирную курицу. Ошипав и опалив ее, целиком зажарят в печи, остужают и украшают цветными лоскутками и бумажками. Вся соль в том, чтобы не прозевать, когда внесут курицу, а несут ее тайком, спрятав куда-нибудь под шаль или под “запан” (фартук). Гости уже хмельные, хохотать уже нет сил, кажется, уже ничто не сможет заставить встать на ноги. Вдруг какой-то ловкач замечает курицу, вскакивает, и все, как по волшебству, бегут и хватаются за курицу, рвут ее на куски, запихивают в рот, все мажутся жиром, кричат, хохо-

чут, падают, но рвутся к курице» [Архив ИМБТ СО РАН 1967, Инв. № 3285. Л. 7.].

По нашей просьбе Евдокия Филипповна Конева продемонстрировала нам интересный способ ряженья в курицу, который у них применялся на свадьбах и во время Святков. Она показала, как доха предварительно выворачивалась наизнанку. Рукава надевались на ноги так, чтобы ворот дохи оказался у живота, шуба набрасывалась на спину, а полы с боков руками стягивались у груди. При этом необходимо было наклонить корпус вперед и сохранять положение под прямым углом. В таком положении, показывала Евдокия Филипповна, ряженная в курицу женщина кружилась, скребла «лапкой» о пол, «...да так всё это подметила, ну точно как наседка <...> и вышагивает так сверху лапку-то ставит <...> и голову-то поворачивает и глядит-то ну точно квочка», потом она клевала окружающих, снова кружилась на одном месте, присаживалась и под всеобщий смех «... посередь избы высидивала яичко <...> ну подкладывала, руки-та под дохой <...> будто высидела». Тут ряженные хватали и разбивали яйцо, и вперемешку со скорлупой мазали им всех присутствующих. Начиналась потасовка, кто-то убежал, кто-то догонял, все пищали, кричали, не желая быть испачканными (Зап. от Е. Ф. Коневой, 1924 г. р., с. Бичура, Бичурский р-н, Республика Бурятия. Соб. О. Ю. Фурман. 1992 г.) [ЛИА].

Любопытны сведения бабушки Савонихи, которая показала нам, как во время свадьбы одна толстая бабенка изображала медведя. Во время пляски, переодевшись в вывороченную наизнанку доху, хватала печную заслонку, бросала ее на пол и начала по ней с грохотом топтать, смешно косолапить ногами, скакать то на одной, то на другой ноге. Потом эту заслонку вытаскивали на середину избы, и все кому не лень по очереди на ней выплясывали, а остальные дружно хлопали в ладоши: «...медведь энтот пляшит уприсядку <...> да усяко коленица выделяват <...> парней пырлял куды

придѣца <...> лез обнимаца к девахам да бутто незначай им на ногу наступлит, потом бутто кака для смеху подыграг яму <...> там чо обжимаца аль цаловаца стануть <...> все хахочуть» (Зап. от Е. Е. Власовой, 1906 г. р., с. Куйтун, Тарбагатайский р-н, Республика Бурятия. Соб. О. Ю. Фурман. 1994 г.) [ЛА 1994]. Другая исполнительница рассказывала, что «наступить на ногу это позор считалось, делали это тайно» (Зап. от Т. С. Афонасьевой, 1915 г. р., Федосья Дорофеевны Филипповой, 1926 г. р., с. Н. Брянь, Заиграевский р-н, Республика Бурятия. Соб. О. Ю. Фурман. 1996 г.) [ЛА].

Третий день свадьбы. Третий день праздновался у жениха. Приходили самые близкие. В старину в этот день родители жениха украшали бутылку и прикрепляли ее к потолку. Если бутылка была «одета» в красное: «Все видють, что чесная деушка ... Если в красном — родителям приятно, моя дочка в почете. Были случае — это мама ишо моя расказывала, наряжали у синее. Значит, невеста не деушка. И это не то что позор, но вроде наш сын взял не деуку, если что — не обижайтесь» [Кузнецов 2005, 53—54]. Таким образом, у семейских честность невесты показывали не на второй, а на третий день свадьбы в доме жениха, в узком кругу близких людей. По словам исполнителей, «если дочь чесная, вино теще наливали сполна, чтобы сверху было, чтобы проливалося» (Зап. от Т. С. Афонасьевой, 1915 г. р., Ф. Д. Филипповой, 1926 г. р., с. Н. Брянь Заиграевский р-н, Республика Бурятия. Соб. О. Ю. Фурман. 1996 г.) [ЛА].

В с. Урлук Читинской обл. на третий день свадьбы, на «застолье» — «самые близкие родные невесты снова едут к жениху на “хвосты”. Гости хвастают, что они подарят невесте... На посулы не скупятся, обещают телочку, барашка, гусей парочку, кабашка или свинку. Но не словами называют животных... Одна встает и мычит, значит, бычка или телочку сулит; следующий встает и “бекает”, значит, барашка приведет; какая-нибудь бабушка кукарекает — жди, невеста, курочек в хо-

зайство» [Архив ИМБТ СО РАН 1967, Инв. № 3285. Л. 7, 11]. По нашим сведениям, во время свадебного застолья принято было принимать подарки во время угощения вином. Молодые подходят к гостю с рюмкой на подносе, наливают в нее вино. Гость берет рюмку, произносит пожелание-напутствие, кладет на поднос подарок — деньги, ткань, полотенце, посуду или др., затем выпивает рюмку. Так молодые обходят по солнцу всех гостей [ЛА 1998].

Пляска «Голубца». Семейским Красночико́йского р-на известна пляска «Голубца», которая сохранилась благодаря тому, что её плясали на свадьбах. По структуре она сходна с переплясом, в котором соревнуются между собой мужчины. На телевидении сохранились кадры кинохроники, где можно увидеть, как семейский мужик во время исполнения плясовой песни буквально вылетает в центр круга, сделав кувырок с опорой на руки и перевернувшись в воздухе, начинаю плясать «Голубца». В с. Аца пляску «Голубца» исполняли только парни. В этой пляске, говорят старики, парни пытались показать, «кто кого удалей». «В круг выходил парень — выделявал разные коленца: присядки, хлопушки, кувырки и др. Затем выходил другой, отвечал на вызов первого. Если ему не удавалось переплясать первого, он уходил, покидал середину круга, выходил третий парень, и плясовой турнир с первым парнем продолжался. Плясали под гармошку или под балалайки. Потом в круг выходил следующий. Он мог даже выпрыгнуть через кувырок в круг или с опорой на руки и потом плясать, широко раскинув руки в стороны, то согнув корпус вперед, наклонив голову вниз, то подняв грудь высоко» [Фурман 2012, 34]

Выходили один к другому в круг — кто кого перепляшет, «...один руки так раскинит (показывает движения рук в стороны, имитация крыльев. — О. Ф.), весь растопоршитца и по кругу пробижит да потом кружит и прыгат так... (показывает как. — О. Ф.) опять кружит и вверх <...>, другой такой пошустрее быв как свиснит, да ряукнит —

Тирба! Да матюгнёца и ну плясать <...> хлещит себя ну шо есть мочи по коленкам да вот так и сюды (показывает последовательные хлопки по груди, коленям. — О. Ф.), да подмигиват <...> ну так ладно плясал <...> девки наши по ём сохли. И так оне промеш себя хто каво перипляшит. <...> И так пляшут таво гляди драца начнуть» (Зап. от Анны Романовны Лазаревой, 1932 г. р., с. Менза, Красночикоийский р-н, Читинская обл. Соб. О. Ю. Фурман. 1989 г.) [ЛА]. «Было у нас один тожа получалось у яво <...> шибко браво плясать умел <...> тожа всех перепляшит <...> он потом жанился на городской и к ямя туды уехал у Читы» (Зап. от Н. Т. Филатовой, 1924 г. р., с. Аца, Красночикоийский р-н, Читинская обл. Соб. О. Ю. Фурман. 1989 г.) [ЛА].

В с. Захарово зафиксированы сведения о том, что эта пляска исполнялась женихом и невестой. Иннокентий Григорьевич Шешуков показал, как они с супругой на свадьбе исполняли «Голубца». Он вставал на одно колено и подавал свою правую руку невесте, она протягивала к нему свою

левую руку и, придерживаясь за нее, оббегала партнера по кругу против часовой стрелки (Зап. от И. Г. Шешукова, 1908 г. р., с. Захарово, Красночикоийский р-н, Читинская обл. Соб. О. Ю. Фурман. 1989 г.) [ЛА].

Пляска «Трапок». Кроме «Голубца» семейские плясали «Трапок», «...парень з деукой выходили на “Трапок” або только деуки промеж себя плясали тоже...» (Зап. от П. И. Колесниковой, 1920 г. р. (урож. с. Малоархангельск), с. Аца, Красночикоийский р-н, Читинская обл. Соб. О. Ю. Фурман. 1996 г.) [ЛА]. Плясать на трезвую голову было не принято, «... а вот на свадьбе али в праздник какой парни напьюца, осмелеють и вот тебе начинают выплясывать друг перед другом <...> задираюца, потом глядишь — а оне уже дяруца» (Зап. от П. И. Яковлевой, 1910 г. р. (урож. с. Малоархангельск), с. Аца, Красночикоийский р-н, Читинская обл. Соб. О. Ю. Фурман. 1989 г.) [ЛА]. Мы обратили внимание на возгласы и реплики во время пляски: «эй-я!», «эй-ей!», «э-эх!», «у-у-ух!», «ух ты!», «ух-хо-хо!», «а-ах!», «давай, давай!», «дай трапока!», «ух, пошла, пошла!» Девуш-

Красночикоийские семейские

ка мелкими шажочками вышаркивала ритм песни и держалась скромно, а «...парень перед ей коленица усяки выделяват, хорохорица, падлюка» (Зап. от Т. С. Афонасьевой, 1915 г. р., Ф. Д. Филипповой, 1926 г. р., с. Н. Брянь, Заиграевский р-н, Республика Бурятия. Соб. О. Ю. Фурман. 1996 г.) [ЛА 1996].

По нашим наблюдениям, на «Трапок» выходили две женщины из круга, с разных сторон, при этом петь могли любую песню: «Зеленым-зеленёшенько», «Я малым малешенька», «Ах, вы сени», «Во кузнице», «Бока мои бока», «Комарочек», «Чеботарик», «По садочку я гуляла», «Я по травке шла», «делали трапачёк ух как шыталось это <...> это выстукивали мелко ногами и пели: “Ах, вы сени мои сени...”» (показывает проходку. — О. Ф.)» (Зап. от Т. С. Афонасьевой, 1915 г. р., Ф. Д. Филипповой, 1926 г. р., с. Н. Брянь, Заиграевский р-н, Республика Бурятия. Соб. О. Ю. Фурман. 1996 г.) [ЛА 1996].

Плясали дробной проходкой, обычно согласованно друг с другом. Во время пляски исполнители руки могли ставить в бока «кулачками», могли приподнимать не выше плеч / не выше пояса ладонями вниз и переводили их синхронно перед собой то в правую, то в левую сторону. В дробной проходке руки, как крылья, раскинуты в стороны, локти чуть ниже или на уровне плеч, кисти слегка согнуты и приспущены ладошками вниз, запястья чуть выше локтей. Во время движения локти слегка акцентируют вниз сильную долю такта. Исполнительницы также отмечают сильные доли песенных фраз платочком. Вначале — дробная проходка по большому кругу по солнцу, затем постепенно сходятся, словно закручиваются в центр круга, встречаются правыми плечами, не касаясь друг друга, либо обхватывают друг друга за предплечье, так что их лица оказываются над правыми плечами друг друга. Затем, через поворот — лицом друг к другу, встречаются левыми плечами, меняют направление, затем расходятся на свои места, одновременно в круг выходит другая пара.

Голова во время пляски держится прямо, почти не поворачивается в стороны, можно лишь чуть-чуть на-

клонить её вниз. Шея зажата. Это, возможно, обусловлено тем, что на шею надевали «ожерёлог», «жерёлог». Его шили из белой ткани, густо расшивали белым жемчугом, кораллами или бусинками и застёгивали сзади на пуговицу. В селах Бурятии семейские на шею надевают «манисты» — массивные янтарные бусы, состоящие из 5—6 ниток, закрепленных на одной завязочке. Янтарные «манисты» закрывали всю грудь и были очень тяжелым украшением. «Жерелог» и «манисты», без сомнения, сковывали движения шеи, влияли на пластику движений и манеру исполнения (исключающую подскоки, резкие повороты), вынуждали исполнительницу высоко поднимать грудь, которая частично поддерживала тяжесть убранства.

Во время исполнения *дробных проходок* ноги обязательно слегка согнуты в коленях. В селах Красночикийского р-на у семейских принято было носить «чирки», «чарóчки», «шаркуны», «шаптуны», их называют здесь по-разному. Шьют их из черной юфтевой кожи, завязываются они оборками, которые плетут из четырех шерстяных ниток (двух красных, двух черных) косичкой «в колосок», обматывают их несколько раз вокруг щиколотки (впереди три креста, сзади три креста), поверх толстого чулка из белой шерсти (см. фото). Чарки с голенищем чаще носили мужчины, они назывались «ичиги».

При ходьбе в хороводе или пляске старались носок поднимать повыше, чтобы не запнуться, что считалось плохой приметой. Да и подошва не так быстро изнашивалась. Поэтому, когда приплясывали, старались приподнимать пальцы ног и шоркать пяточками по земле. Про чарки семейские складывали частушки: «*Ой, чарóчки мои,/ грязи не бояться/ — постечонок насучу/ и сяду починяться*» или: «*Ты, подружка, выходи,/ выходи, не дуйся,/ если жалко ичиги,/ ты возьми, разуйся*». Этой частушкой вызывали на пляску и во время свадьбы.

Укырские женщины были очень удивлены, когда увидели на смотре в Красном Чикое, как плясали семейские из Кочóна (с. Архангельское): «*Кочóнски плясали на пятках, носки*

шибко вверх и нашаркивают <...> У нас тожа на пятках, но не так <...> У нас шыталось красиво ходить, это ходить меленько шажочками да так... (показывает как. — О. Ф.) на пяточках, и шоб не трянуться и не спотыкнуться». При этом полагалось грудь держать высоко, чтобы «манисты» (бусы) не тянули шею и голову вниз. А в с. Менза, рассказывали укырские женщины, «...и ходють не по-нашему и пляшуть не так как у нас... Оне скочуть и ходють и пляшуть — и усе у прыпрышку, а у нас не — не положено» (Зап. от Марии Елистратовны Зориной, 1926 г. р., Проскофьи Андреевны Кареловой, 1925 г. р., Александры Михайловны Арефьевой, 1927 г. р., Ольги Максимовны Кареловой, 1934 г. р., Крестиньи Якимовны Матвеевой, 1931 г. р. (урож. с. Дакитуй), Полины Поликарповны Казыкиной, 1935 г. р. (урож. с. Катанца), с. Укыр, Красночикоийский р-н, Читинская обл. Соб. О. Ю. Фурман. 1989 г.) [ЛА].

В с. Аца, когда мы попытались повторить пляску, женщины, увидев, как мы это делаем, возразили: «...не, не так вы ходитя», не надо скакать, надо ходить плавно, ногами переступать так, чтобы не покачнуться, «...надо меленько так на пяточки ступлять». Запнуться, зацепить землю носком считалось плохой приметой, особенно в праздничные дни. (Зап. от Н. Т. Филатовой, 1924 г. р., М. Т. Федоровой, 1932 г. р., П. К. Овчинниковой, 1929 г. р. (урож. с. Шенки), с. Аца, Красночикоийский р-н, Читинской обл. Соб. О. Ю. Фурман. 1989 г.) [ЛА].

В с. Архангельское Красночикоийского р-на Читинской области пляшущие также выходят шаркающей проходкой в круг, кружатся в паре, лицом друг к другу, соединяясь при этом «в обхват». Обе женщины правой рукой обхватывают левый бок друг друга, а левыми руками держатся за правое предплечье друг друга. Если пляшущие не соединяются, тогда они постепенно увеличивают расстояние между собой, продолжают идти простым шаркающим шагом на большой круг, затем подходят и с поклоном выбирают кого-либо из участников, поющих и хлопающих в ладоши. Поясной поклон

выполняется правой рукой, в которой они держат платочек, — так обе исполнительницы приглашают на пляску вместо себя. После поклона другие две женщины входят в круг. В с. Куйтун Тарбагатайского р-на во время парной пляски придерживаются той же последовательности. И после соединения в пару могут вращаться в паре, как описано выше, но могут, глядя друг на друга боковым зрением, разворачиваться зеркально по отношению друг к другу / друг от друга вполоборота, на 180° и в полный оборот.

Техника исполнения дробушек у семейских женщин настолько безукоризненна, что принцип сочетания в них каблучно-носочных и сплошных ударов сходно понять трудно. Женщины исполняют проходки так ритмически чётко и виртуозно, что повторить, поймать их сразу у нас не получилось. Чтобы дробушки звучали громче, хозяин стелил лист фанеры на участок во дворе у ворот. На нем женщины по очереди, попарно плясали свои виртуозные дробные проходки [ЛА 1996].

Хлопушка исполнялась во время припева. Манера исполнения мужских движений — более широкая, открытая и эмоциональная, в отличие от женской — сдержанной.

На третий день свадьбы принято было разжигать костер во дворе или на улице. Все прыгали через него, потом лили в костер немного водки, выпивали по последней и «тушили» свадьбу [ЛА 1998]. «Обязательным ритуалом на свадьбе было её “тушение”. На улице, возле ворот, разжигали костер, прыгали, пели и плясали возле него. Когда костер догорал, его затапывали. Род-

Красночикоийские чирки

ственники, теперь сваты, прощаясь, расцеловывались. После свадьбы молодые жили с родителями. Разводы в семейских селах были крайне редким явлением, так как в них прочно сохранились черты домостроя и патриархальности» [Кузнецов 2005, 53–54].

В Б. Куналее свадьбу «тушили» на четвертый день. Брали солому, елки и зажигали костер. Вокруг костра все плясали, пели плясовые песни, частушки и затем тушили костер. После шли в избу угощаться. В семье Плюсниных Федосья Григорьевна рассказывала, как на свадьбах у них «*машиковались*»: «*парни в старух наряжюца ды на мётлах ездют, крутюца — гостей смешат. А там хто нищим, али хто цыганами, а хто в деда оденица*» (Зап. от Л. В. Плюсниной, 1909 г. р., К. М. Плюсниной, 1904 г. р., А. И. Плюснина, 1911 г. р., Ф. Г. Плюсниной, с. Б. Куналей, Тарбагатайский р-н, Республика Бурятия. Соб. О. Ю. Фурман. 1989 г.) [ЛА].

Подводя некоторые итоги, можно предположить, что пляски на свадьбе выполняли очень важную *обереговую* функцию. Поскольку вся свадебная процессия нуждалась в защите, действия пляшущих были направлены на предотвращение возможного вредительства. Семейские считали, что во время свадьбы и в праздничные дни пляски и пение, шум, звон колокольчиков, хлопки в ладоши, подскоки на печной заслонке, порождающие резкие звуки, игры с изменением облика, звуковыми имитациями, круговращения, вызывающие смех, хохот — снимали напряжение, страх, вызывали радость и создавали барьер для негативного воздействия потусторонних сил. В свадебной обрядности пляски ряженных предназначались для защиты молодоженов от «злых духов» и козней колдунов и колдунов, одновременно в пространстве трех видов: внутридомовом/внутридворовом (частном), поселковом/околопоселковом (общем) и невидимом (чужом, где хозяйничали «духи»). Для этих духов предназначались жертвы (души кур, яиц, каравая, др. продуктов), выносимые гостям для всеобщего растерзания/поедания/причащения. Взамен люди рассчитывали на снисхождение и мирное сосуществование.

Литература

Болонев 1981 — Болонев Ф. Ф. Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Новосибирск, 1981.

Даль 1995 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995.

Кузнецов 2005 — Кузнецов И. С. Быт и культура семейских старообрядцев Красноярской волости Нижнеудинского уезда Забайкальской обл. второй пол. XX — нач. XX в.: дипломная работа КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005.

Потанина 1977 — Потанина Р. П. Свадебная поэзия семейских Забайкалья (конец XIX — семидесятые годы XX вв.). Улан-Удэ, 1977.

Фурман 1996 — Фурман О. Ю. Хороводные игры семейских Забайкалья. Улан-Удэ, 1996.

Фурман 2012 — Фурман О. Ю. Пляски ряженных в хороводно-игровой традиции старообрядцев Забайкалья. Волгоград, 2012.

Сокращения

Архив ИМБТ СО РАН — архив Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН РФ (ныне архив Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН РФ).

ЛА — личный архив автора.

Summary. The article is devoted to the still preserved wedding tradition of the Transbaikalian Old Believers, i.e. domestic dances which are not consciously treated by the tradition bearers as a unique phenomenon or artifact. The numerous examples given in the article demonstrate dances of 'ryazhenye' (disguised), accompanying a "wedding train". The article describes still preserved forms of dances, e.g. "Golubtsa" or "Trapok", specific masculine and feminine Russian walks and steps. Another problem of the study is the peculiarities of motion and movements plastics in local traditions of Old Believers' settlements. Dancing and singing, games presuming face changing, voice imitations, circular rotations, noise, bells ringing, hand claps that caused a laughter outburst, all this was intended to take off tension and fear, provoke joy, create a barrier to negative influence of otherworldly forces, and to defend the newly-wed from "bad spirits" and wicked intrigues.

Key words: ritual dances, wedding procession, round dancing-games with the movement, dancing disguised, rhythmic blows by feet, compete in a dance, Semeiskie of Transbaikalia.